

ПОЛИНА ЛЮРО

МИЛАШКА

Полина Люро

Милашка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468264

SelfPub; 2024

Аннотация

Они живут рядом с нами — странные обитатели подземелий большого города. Незаметные глазу в повседневной суете, маленькие отважные охотники любят и ненавидят, радуются и страдают в темноте своих лабиринтов, а мы даже не подозреваем об их существовании. Для нас они — выдуманные монстры, мы же для них — реальные чудовища...

Полина Люро

Милашка

Пять ударов сердца, и снова этот звук — тихий и одновременно такой невыносимо громкий. Он словно специально медлил, чтобы замершее в его ожидании лёгкие смогли, наконец, вдохнуть сырой холодный воздух колодца, а маленькое, покрытое мехом тело — снова задрожать...

И вот уже очередная капля сорвалась с решётки, прикрывающей светлое пятно выхода из моей ловушки, расположенное слишком высоко, чтобы подняться к нему по скользкому мху даже с такими цепкими, как у меня, коготками. Один раз я уже пытался сделать это и, сорвавшись, только чудом не разбился о каменные стены и не угодил в тёмную ледяную бездну.

Мне тогда повезло зацепиться за кусок ржавого, торчащего из стены железа и по нему забраться на нависавший в опасной близости от воды небольшой карниз. После вчерашнего проливного дождя влага, столь желанная измученному жаждой горлу, подобралась почти к самому убежищу, грозя в любой момент унести с собой маленькое тело, напоив его «до смерти». Я грустно улыбнулся:

— Неплохо прозвучало, похоже, у меня и правда есть способности к сочинительству, как часто повторял Грэг. Мерзавец, называвший себя другом и бросивший здесь умирать от

голода и страха...

Пережив вчерашнее наводнение, я было воспрянул духом, но судьбе этого показалось мало, и она продолжила свои испытания. Ведь для подобных мне яркое солнце наземного мира — не менее опасно, чем толща воды под ногами. Большие круглые глаза привыкли к полутьме подземелий, и лишний свет мог навсегда ослепить, сделав лёгкой добычей многочисленных обитателей тёмных, обманчиво пустых коридоров родины.

А там, наверху, кажется, снова наступил жаркий, а главное, солнечный день. Лучи коварного небесного светила проникали даже сюда, во мрак колодца, заставляя испуганно пищать, бегая от одного края маленького карниза до другого, в надежде спрятаться от слепящего костра, и вымаливая у смерти хотя бы несколько часов отсрочки.

Кто-то из богов услышал эти жалкие мольбы, и тень закрыла солнце, затем заскрипела ржавая решётка, прикрывавшая колодец, и по гулкому звуку я догадался, что «спаситель» отбросил её в сторону. Надо мной снова потемнело, и высокий детский голос прокричал:

— Эй, ребята, бегите сюда — я снял решётку. Кажется, Маша была права, там кто-то есть. Вроде зверёк, спорим, крысёныш. Дим, тащи фонарик, сейчас посмотрим, кто тут у нас... И камни захвати, кто первый сошьёт это чучело в воду, тому и откусывать от шоколадки. Спорим, это буду я! А вам, дурачё, и крошек не останется, — и человеческий детёныш

противно захохотал, напомним смех Эда, столкнувшего беднягу в эту мерзкую трубу, а Грэг, вместо того чтобы помочь, сбежал, то же мне, друг...

Все три сердца нестройно забарабанили в груди, заставив от ужаса вцепиться маленькими лапками в мох на стене: перспектива была нерадостной — эти исчадья преисподней — *люди*, о которых с дрожью в голосе нам, детям, рассказывал Наставник, были отвратительнее любых чудовищ, обитавших в извилистых переходах подземелья. Они губили всё, к чему прикасались, убивая или пленяя каждое живое существо, попадавшее в их, на первый взгляд, совсем нестрашные руки. И чем необычнее была «находка», тем печальнее становилась её участь. Во всяком случае, Тимми-Пройдоха, славный весёлый малый, так и не вернулся в катакомбы после храброй попытки подобраться к человеческому жилью...

Я помнил его: он был одним из немногих, кто не смеялся над моим маленьким ростом и не дразнил Милаш-кой, намекая на почти девчачий, слишком светлый мех шкурки... И зачем только Тим поспорил с Эдом, что принесёт из огромной пещеры что-нибудь интересное, может быть, даже *палец настоящего человека*. А вышло всё совсем наоборот: Эд с пеной у рта рассказывал, что собственными косыми глазами наблюдал, как Пройдоху схватили эти страшилища и, запихнув в тархтящую тележку на колёсах, увезли в неизвестном направлении. Больше мы его не видели...

Сверху донёсся новый приступ хохота злого детёныша, и

я задрожал ещё сильнее: это наверняка уродливое чудище попытается меня утопить или, что ещё хуже — вытащить под лучи горячего солнца, где любого ночного жителя ждала медленная и мучительная смерть. А я ещё слишком мал и слаб и не могу дать ему отпор: Наставник Родж говорил — чтобы стать настоящим воином, должно миновать целых три полных оборота дневного светила. Вот тогда бы мы померялись силами — прошедшее все этапы превращения тело станет высоким и сильным, выросшие и почерневшие когти одним лёгким прикосновением распорют любую плоть, рот, полный острейших зубов, разгрызёт его кости за несколько мгновений...

О, мечты, мечты, если бы всё было так просто... Недаром Родж, почёсывая толстое, покрытое тёмным мехом брюхо, усмехаясь, добавлял:

– Надеюсь, когда-нибудь ты станешь героем, Милаш, чьё нагрудное ожерелье украсит не одна кость хищника, а может быть, даже человека, и тобой будет гордиться всё племя. Только для этого надо не просто много тренироваться, что с подобным ростом довольно затруднительно... Хорошо бы тебе просто пережить эти три года, не попав на зуб обыкновенной крысы, способной придавить крошку–Милаша одной лапой...

И все громко хохотали, подобоострастно заглядывая в глаза Наставника... Нет, не все — Грэг закрывал меня своим большим телом, расталкивая весельчаков и грозно скаля зу-

бы. Друг, всегда отчаянно защищавший, но почему-то бросивший в беде в этот раз... А вдруг я ошибся, и он не смог прийти, потому что сам попал в беду?

От этих мыслей стало так плохо, что маленькие зубки начали выбивать неприятную дробь, прикусив чёрный язык. Рот тут же наполнился кровью, напомнив, что я уже второй день ничего не ел, и меня затошнило. Сейчас несчастного пленника колодца вполне устроил бы даже протухший, отброшенный ящеркой хвост, вот только где он?

Почувствовав, что вот-вот захнычу как девчонка, я сжал маленькие кулачки, попробовав, как Грэг, сердито выругаться, но не успел — на голову посыпалась земля, и это было странно. Прямо надо мной кто-то отчаянно скрёб когтями по железу — видимо, внутри старой трубы, замурованной в стене колодца. На миг в душе родилась надежда:

– Неужели это Грэг? Труба наверняка давно проржавела, и силачу ничего не стоит прогрызть в ней отверстие. Он вытащит меня отсюда, и мы вместе убежим домой...

Но стоило только вспомнить внушительное тело друга, как я приуныл, представив, какого размера должна быть труба, чтобы здоровяк смог в неё поместиться. Самому стало смешно... А вот юркая крыса — вполне способна пролезть... От одной этой мысли шкурка пропиталась холодным потом, прямо как в ту страшную ночь, когда талая вода чуть не затопила наш дом.

Тем временем, наверху слышались звуки борьбы, и сер-

дитый голос, отфыркиваясь, произнёс:

– Только попробуй, болван, тронуть маленького беднягу. Я сама запихну тебе эти камни за шиворот, и почему только брат с тобой до сих пор дружит, не понимаю... Дим, дай фонарь — сама посмотрю, кто тут прячется.

Наступила тишина, в которой скрежет внутри трубы стал ещё заметнее. И я постарался слиться со стеной, хотя и понимал всю тщетность попыток спрятаться от неизбежной гибели...

Наверху завозились, и яркий луч пролетел в шаге от обречённого, осветив неприглядное чрево колодца. Сразу стало нестерпимо трудно дышать, словно меня уже сдавила зубами огромная крыса, и я невольно запищал, закрывая лапками лицо.

Что-то защекотало кожу, быстро её нагревая.

– Свет попал на шкурку, беда! — ноги сами понесли в сторону, но, разволновавшись, я чуть не свалился с края спасительного карниза и, еле устояв, снова запищал, теперь уже в полную силу. И меня услышали.

– Эй, кажется, он плачет, бедняжка... Я смогла лишь на минутку увидеть что-то маленькое и пушистое. Наверное, котёнок свалился вниз и не может выбраться. Да не толкай под руку, Дим, выключи второй фонарик, похоже, малыш боится света. Беги домой и принеси мамину бельевую верёвку, ну, пожалуйста! За это можешь взять мою шоколадку из коробки, только поторопись...

Я не понимал слов, но новый голос звучал совсем не страшно, он был ласковым, как у мамы, или просто так показалось от отчаяния. Во всяком случае, луч света больше не двигался, угрожая утопить в тёмной мутной воде, по которой после дождя плавали мелкие палки и разный мусор. Стоило только представить, что рядом с ними вскоре будет раскачиваться раздутое от воды тельце, как дрожащие ноги подкосились, уронив и без того грязную шкурку на холодный скользкий карниз...

Кажется, сознание милосердно меня покинуло, пусть и ненадолго. А в чувство привели раздававшиеся сверху пыхтение и звонкие шлепки, перемежавшиеся с воплями уже знакомого противного голоса:

– Совсем с ума сошла, дура, кусаться из-за какой-то твари! Вот я пожалуюсь маме, тебе мало не покажется... Ох, моё ухо, это кро-овь, ты ещё получишь, — и звуки стали удаляться, а вслед им несло жизнерадостное:

– Беги, беги, пока не догнала и не добавила...

Я прислушался, новый голос снова звенел, отражаясь от стен моей тюрьмы:

– Потерпи немного, малыш, скоро я тебя оттуда вытащу...

По интонации было ясно, что этот человеческий детёныш проявляет дружелюбие. С чего бы? Я опять запаниковал:

– Наверняка это ловушка, коварное отродье хочет меня поймать и пленить. Но я так просто в руки не дамся — откушу всё, до чего дотянутся клыки...

Неважно это было утешение, тем более что зубы у меня пока слишком мелкие и вряд ли способны прокусить кожу злодея. Но оставались ещё острые когти — хотя бы поцарапаю на славу...

Я вздыхал и тихонько всхлипывал, оплакивая свою несчастную судьбу, когда наверху снова завозились, и одновременно с этим меня осыпало землёй. В ужасе поднял голову и чуть сам не свалился в уже поджидавшую водяную глотку: в стене образовалась небольшое отверстие, из которого выглядывал заострённый крысиный нос. Влажный и тёмный, он быстро дёргался, обнюхивая затхлый воздух колодца. Нетрудно было представить, что уже скоро мой будущий убийца появится целиком, чтобы...

В этот момент сверху упало что-то длинное, с лёгким шлепком задев поверхность воды:

— Ну же, малыш, хватайся за верёвку, я тебя вытащу!

Как бы я ни был напуган, всё же сообразил, что это единственный путь к спасению или...ужасному плену. Но между смертью в зубах беспощадного хищника и призрачной надеждой выбор был вполне очевиден, тем более что меня окатило новой порцией грунта — крыса учуяла запах и спешила за желанной добычей...

Но вот беда, спасительный шнур был слишком далеко, а короткие ножки абсолютно не приспособлены к «блошиным» прыжкам. Это был конец всему, но, похоже, человек наверху догадался мне помочь, начав раскачивать сброс

шенную им верёвку. Она мелькала перед глазами, и только страх не давал сделать решительный шаг до тех пор, пока тело крысы наполовину не высунулось наружу...

Я взвизгнул, вцепившись коготками в шнур, и быстро начал по нему карабкаться. Из обезумевшей головы совершенно вылетело, что там, наверху, пылает, обжигая, наземное светило, а значит, глупый маленький Милаш мчится навстречу мучительной гибели. Где-то на полпути я остановился, отдыхая, и решил посмотреть *туда*: пугающе-яркий свет пропал, сменившись привычной полутьмой.

Ситуация быстро разъяснилась, как только сверху послышались раскаты грома, и полыхнули огненные разломы молний.

– Вот она, настоящая *гроза*, о которой рассказывали Наставник и Грэг, хваставшийся, что однажды через заброшенную шахту случайно выбрался на поверхность как раз во время этого светопреставления. У меня тогда от его бурной фантазии мех встал дыбом, неужели друг не соврал? Если верить Грэгу, гроза несёт за собой небесный поток, вот почему, наверное, человеческие детёныши сбежали... Хорошо, что верёвка осталась — это мой шанс на побег. Так что же я медлю? Скорее вперёд, пока вода не хлынула в колодец и не смыла Милаша, как травинку в водовороте...

Я не просто спешил, а мчался, ведь, зачем-то оглянувшись назад, увидел преследующую тень: крыса не желала так просто отдавать добычу... Задыхаясь от усталости, перекинул

тело через край колодца, но так и не выпустил верёвку из рук: порыв ветра чуть не скинул беглеца назад в пропасть. Только природная цепкая хватка спасла неудачника от катастрофы, но, похоже, ненадолго: совсем рядом лязгнули челюсти «охотника», и, зажмурившись, я приготовился к последней боли...

Что-то мягкое и тёплое, нежно подхватив, помчало меня вверх, защищая от бушующего ветра и клыков крысы. Сердца от страха стучали кто во что горазд, а закрытые лапами глаза не хотели смотреть на этот пугающий мир. Внезапно по спине и голове забарабанили капли дождя, и я почувствовал, что меня куда-то несут, крепко прижимая к горячему телу.

Звук чужого сердца оглушал и, казалось, гремел где-то совсем рядом. Здесь, в укрытии, под складкой человеческой одежды было тепло, и холодные капли не касались нежного меха. Я пригрелся, перестав всхлипывать, когда внезапно движение прекратилось, и похититель попытался вытащить меня наружу. Но я крепко вцепился в ткань и не поддавался, пока ласковый голос снова не забормотал, а большой, самый настоящий *человеческий палец* коснулся шкурки:

– Вот ведь вцепился в футболку, глупыш... Да не дрожи так, я не обижу. Ой, не кусайся, ха-ха, щекотно... Сейчас, сейчас, не бойся, только немного рассмотрю и отпущу, обещаю.

Я прислушивался к мягкой интонации голоса и, сам не знаю почему, ослабил хватку. Никогда в жизни мне ещё не

было так страшно: в ладони, на огромной высоте, рядом с человеком... Но я крепился и, собрав все силы, посмотрел прямо в лицо великанше: это, несомненно, была девчонка — с золотистой косой через плечо, совсем как у моей сестрицы Клары, огромными глазищами и ртом, полным больших белых зубов.

Её розовые губы шевелились, и я не сразу сообразил, что она улыбается, а не облизывается, пытаясь засунуть бедного Милаша себе в рот. Хоть меня и трясло как в прошлом месяце после падения в глубокую лужу, я даже мужественно позволил этому чудовищу погладить себя по спине, сдерживаясь, чтобы снова не пустить в дело пусть пока и слабые зубы. А тем временем голос, ставший немного тише, продолжал что-то бормотать:

— Какой же ты миленький и славный, похож и на котёнка, и на щенка одновременно. Дрожишь, бедняжечка, понятно, я, наверное, кажусь тебе страшной? Жаль, что ты меня не понимаешь. Ну что поделат, малыш, мы из разных миров, — она вздохнула, снова осторожно коснувшись моего золотистого меха, — куда же тебя отпустить? Кругом льёт, как из ведра... А здесь под козырьком остановки хотя бы сухо, что же делать?

Выражение её лица изменилось: изогнутые полоски меха над светлыми глазами поползли вверх, одна рука стала дёргать себя за мочку уха, совсем как наш Наставник, когда серьёзно задумывался над заданным ему вопросом. Ме-

ня вдруг осенило: это невероятно, но, похоже, *она собиралась отпустить свою добычу*... И хоть смотреть вниз было ещё неприятнее, чем на маленького человека, я это сделал, к своему восторгу обнаружив совсем рядом на земле ту самую расщелину, через которую позавчера ночью с Эдом и Грэггом проник в опасный верхний мир.

Да, мы сделали глупость, я, во всяком случае. Не надо было поддаваться на коварные уговоры и спорить с Эдом, что не побоюсь подняться на поверхность. Понадеявшись на защиту Грэгга, я поплатился за свою доверчивость — как только мы подобралась к колодцу с едва заметно сдвинутой решёткой, злодей словно нечаянно столкнул меня вниз, расхотавшись вслед:

– Ну как ощущение полёта, Милаш-ка, нравится? Не стоило меня задирать, а потом жаловаться Наставнику. Ты это заслужил, мелюзга...

Я не знал, что случилось с ним и Грэггом после моего падения, просто сидел в этом вонючем колодце и ждал, когда друг придёт на помощь. А его всё не было...

От этих мыслей засвербило в носу, и глаза намокли, совсем как у огромной девчонки, снова начавшей что-то бубнить, не переставая поглаживать мой драгоценный мех:

– Не плачь, маленький, Маша сейчас тебя отпустит, вот только куда?

Не знаю, что на меня нашло, но, видимо, в экстремальных ситуациях мозг соображает лучше. Дрожа, я потрогал

палец девчонки и, когда она удивлённо посмотрела, показал рукой на спрятанную под плитой расщелину в земле. К счастью, пленнику попалась неглупая великанша, она присела на корточки, но, прежде чем отпустить, несколько раз повторила одно и то же сочетание звуков, так похожее на имя. Меня осенило — её зовут Маш-ша...

Я оказался рядом со спасительным проходом в свой мир, но не побежал сразу, хоть очень этого хотел, потому что... Она была не такой, как остальные — спасла меня, вытащив из колодца, защитив от злого мальчишки, крысиных зубов и непогоды. И теперь великодушно отпускала домой — человеческая девочка с золотистым мехом на голове заслужила благодарности.

Согнувшись почти пополам, коснулся одной лапкой земли, приложив вторую ко лбу, как принято делать при выражении глубокой признательности, и, распрямившись, громко произнёс, хотя голос и продолжал дрожать:

– Спасибо, Маш-ша. Я, Милаш из рода подземных гремлинов, не забуду проявленного тобой благородства и клянусь, когда вырасту, никогда на тебя не охотиться.

Конечно, она не поняла, но её круглые глаза сразу наполнились слезами — девчонка всё-таки... А может, это капли воды попали на её лицо, но, тем не менее, пролезая в расщелину, я слышал за спиной всхлипывающий голос:

– Милаш, Милаш...

Стоило только нырнуть в знакомую тьму подземелья, как

чужие лапы подхватили меня, прижав к шершавой стене, и, задохнувшись от ужаса, я совсем немужественно заверещал:

– Отпусти, проклятая тварь, а то разорву на части!

Знакомый добродушный смех Грэга заставил трепетать мои чувствительные уши:

– Трудновато будет это сделать, Милаш, сначала подрасти, коротышка...

Друг опустил меня на влажную от натёкшей воды землю, тут же охнув от сильного укуса:

– Предатель! Я хоть и маленький, но никогда бы тебя не бросил. Было так страшно, Грэг, где же ты пропадал всё это время?

Пушистые лапы осторожно погладили мои вздрагивающие уши:

– Прости, Милаш, пришлось драться с Эдом, и он своё получил, поверь... А потом я бросился назад, ведь без прочного каната тебя было не вытащить. Но тут не повезло — второпях споткнулся и упал, при этом на безмозглую голову с потолка туннеля обрушился приличный кусок камня... Не помню, сколько там провалялся без сознания, и всё же я пришёл за тобой, — он потряс перед моим носом большим мотком прочного жгута, которым мы обычно пользовались на тренировках с Наставником.

По дороге домой, слушая, как Грэг восторженно расхваливает мою *отчаянную храбрость*, помогшую сбежать из рук *ужасного великана* и спастись, я покорно кивал. Но мыс-

ли почему-то постоянно возвращались к человеческой девочке: я вспоминал её большие и почти такие же, как у меня, красивые глаза, золотистую косу, оглушающий стук огромного, доброго сердца, и невольно улыбался...

Хорошо, что друг не видел и не догадывался об этом позорном, недостойном настоящего гремлина поведении. Он бы не понял, а другие — тем более... Но сейчас, увлечённый придуманной им историей о мнимых «подвигах» маленького отважного охотника, Грэг не замечал ни моих мечтательных вздохов, ни бормотания:

– Маш-ша...